

Иван Николаев
Нож-саморез

повесть-сказка

Иван Николаев

Нож-саморез

«Издательские решения»

Николаев И.

Нож-саморез / И. Николаев — «Издательские решения»,

Что случится с мальчиком, если он побывает в гостях у лешего? Чему учится подмастерье колдуна-починщика? Возможно ли защитить родную землю, избежав кровопролития? Как избежать неминуемой смерти от волшебного ножа?

© Николаев И.

© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	14
5	18
6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Нож-саморез
повесть-сказка
Иван Николаев

© Иван Николаев, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Митька выглянул из-за стены крепости, выискивая взглядом Ваську. Снежок прилетел ему прямо в лоб и разлетелся на мелкие кусочки. Смеялся Васька, смеялась Сонька, смеялся и сам Митька. Из ртов валил пар. Все были румяные и весёлые, все в снегу. Снег попал везде – за воротники, на шапки, за голенища валенок.

Солнце последними своими лучами красило в красный цвет многочисленные дымы из печных труб, снег на крышах посадских изб, высокие купеческие и боярские терема, купола церквей и башни кремля.

– Кто тут ученик починщика Николая Ивановича? – Прозвучал негромкий, но грубый и хриплый голос.

Только сейчас Митька заметил лошадь и возок, остановившийся возле снежной крепости, которую они с Васькой построили на крутом берегу реки.

– Я! – Митька пролез через лаз, скользнул по склону на укрытый снегом речной лёд, очутился перед возком. Конь равнодушно взглянул на мальчика, фыркнул, пожевал удила.

– Вот, передай, – из возка высунулась рука и вручила Митьке свёрток из мешковины, перевязанный верёвочкой.

Внутри свёртка ощущалось что-то небольшое и твёрдое.

– Ага! Передам. – Пообещал Митька.

– Так не стой, беги!

– Я сейчас! – крикнул Митька Соньке и Ваське, и побежал к дому.

– Вот!

– Что это?

Николай Иванович отличался высоким ростом и одновременно худобой. Сидящие волосы и бороду содержал в идеальном порядке, для чего три раза в месяц ходил к брадобрею. Дома одевался просто: чёрные штаны заправлял в мягкие домашние белые валенки, из-под накинутой на плечи меховой жилетки синела сорочка.

– Просили передать. – Митьке не терпелось поскорее расстаться со свёртком, и успеть ещё поиграть с друзьями, пока солнце не село.

– Кто просил передать?

Николай Иванович не торопился брать в руки свёрток. Напротив, он развернулся, и шагнул к каменному столику.

Каменный столик не весь был каменный, а только верхняя его часть – гладкая мраморная бело-серая с красноватыми вкраплениями столешница. Всё остальное – самое обычное, деревянное. По сторонам от столика стояли скамеечки. Николай Иванович сел.

– Ну, давай, выкладывай.

Митька вздохнул тяжело (снег в валенках и за воротом начал таять), сел напротив учителя, возложил свёрток на столик, развязал верёвочку и развернул посылку. Из неё на мраморную поверхность выпал нож без ножен.

– Так! – Николай Иванович взял лежавшее рядом на полке увеличительное стекло, и некоторое время рассматривал нож, не беря его, однако, в руки. – С тобой играли Софья и Василий?

– Да.

– Сиди, жди меня. Нож не трогай. – Николай Иванович встал и направился к двери. – Я скоро приду.

Дверь хлопнула, Митька услышал быстрые шаги учителя вниз по ступеням и звяканье ключей на его поясе.

Комната, в которой работал Николай Иванович, называлась кабинетом. Два окна, печка с изразцами, лавки вдоль стен, скамейки, светцы по углам, полка с книгами, письменный стол, кресло, три обшитых медным листом сундука, да ещё вот этот каменный столик. На одной из лавок – денежный ящик, плоский, его удобно положить под голову, когда спишь. На печи всегда сохли берёзовые поленья, Николай Иванович запрещал класть их в огонь. На письменном столе аккуратно разложены тетради с записями, среди которых возвышались тяжёлый латунный письменный прибор с гусиными перьями и лакированный ящик с инструментами, а ещё стоял подсвечник на три свечи, да светец – железная вилка, воткнутая нижним острым концом в берёзовый чурбачок. Правду сказать, Митька никогда не видел, чтобы Николай Иванович зажигал на столе лучину. Слева от двери на вбитой в стену деревянной свайке висела длинноствольная красавица пицаль с изящным прикладом, покрытым искусной резьбой. А рядом с ней ждала своего часа кожаная, подшитая красным бархатом, перевязь с пулями и порохом, которую Николай Иванович называл берендейкой. Поверх перевязи висела ещё кожаная сума с огнеприпасами, пыжами, фитилями и прочими принадлежностями для стрельбы.

Митька пригляделся к ножу. На вид – ничего особенного. Блестящий полированный клинок не длиннее его Митькиной ладони, да рукоять из рога. Конец рукояти закрыт латунным шариком. Таким ножом даже лучину щепать не удобно – коротковат. А на торгу Митька видел ножи красивее, с наборными рукоятками, с золочёной гардой, в изящных ножнах на узком кожаном ремешке или на цепочке, чтобы на шею вешать.

Николай Иванович считался хорошим мастером. Он единственный в Кемгороде умел чинить всякие волшебные предметы. И не только в Кемгороде, бывало из Каргополя к нему приезжали, и даже из Пскова, и из прочих разных мест. Каких только людей Митька не насмотрелся за время своего ученичества. Приходит заказчик, или заказчица, Николай Иванович первым делом просит положить волшебную вещицу на каменный столик, рассмотрит её, а уж после выспрашивает – что да как, и где сломалось. Некоторым отказывал. А когда сговорятся, заказчик или заказчица уйдут, достанет Николай Иванович из расшитого мешочка свои камешки, тоже волшебные, и начнёт их вокруг неисправной вещицы раскладывать – поломку ищет. Каждый заказ он хранил в отдельном сундуке, прикрученном к полу, оббитом медью и закрытом на три тяжёлых замка. Таких сундуков в кабинете стояло три. По этой, или по какой другой причине, больше трёх заказов одновременно он не брал.

В комнату вошла Наталья Тимофеевна с мокрой тряпкой в руке.

– Что тут у вас случилось?

– Ничего, Натальятимофеевна.

– А почему Николай Иванович на улицу бросился бежать, так, что шапку позабыл? Ты то, господи, пойди шубу сними, да валенки на печку положи, вон – лужа на полу. Это что за ножик такой?

– Николай Иванович не велел трогать. Велел мне тут сидеть.

– Да не трону я. У меня другие заботы.

Наталья Тимофеевна дожила до такого возраста, когда женщину старухой назвать ещё нельзя, но и сказать, что она не старуха тоже язык не поворачивается. Она служила у Николая Ивановича ключницей – вела хозяйство, к Митьке благоволила, и зимой и летом кутала плечи в пуховый платок.

Наталья Тимофеевна тряпкой стала убрать пыль в тех местах, где сочла нужным.

Николай Иванович вошел в кабинет, смахнул с волос не успевшие ещё растаять снежинки.

– Не видела Софочка, не видел и Васечка этого дяденьку в возке. И ты его тоже не разглядел. Правильно я говорю? – мастер взял с полки книгу, уселся в кресло, послунывил пальцы и стал перелистывать страницы.

– Угу, – согласился Митька.

– Так, так. Вот оно. Слушай! – Николай Иванович повернул книгу к окну. – «Нож-саморез работы флорентийского мастера по прозвищу Маниако Феррари отличается простыми формами. Клинок колюще-режущий длиной три с половиной дюйма выполнен из стали, рецепт которой Маниако Феррари унёс в могилу. Обух клинка прямой, острие расположено на одной линии с обухом. Дол длиной полтора дюйма. Лезвие закругленное. На пяте с двух сторон клеймо в форме лилии. Гарда отсутствует. Рукоять выполнена из рога оленя, обладает свойством менять оттенок в зависимости от освещения. На заднюю часть рукояти надет латунный венец округлой формы. Волшебное свойство ножа заключается в том, что он убивает своего хозяина, когда хозяин спит. Нож снабжён волшебными ножнами, автор которых не известен. Нож в волшебных ножнах безопасен для хозяина». – Николай Иванович закрыл книгу, откинулся в кресле, и поинтересовался. – Ну как, Митя, подходит нож под это описание?

– А что такое «дол»?

– Продолговатая выемка на клинке.

– Тогда всё совпадает, Николай Иванович, кроме ножен. Ножен-то нет!

Наталья Тимофеевна, которая до этого делала вид, что тщательно протирает тряпкой оконные стёкла, повернулась и, не обращая ни к кому, спросила:

– И кто же хозяин этого ножа?

– «Кто, кто?» Митя наш, – ответил мастер.

Ключница всплеснула руками, «Ох!», и села на лавку, вопросительно глядя то на Митьку, то на Николая Ивановича.

2

– Зарежет ведь! Зарежет! – причитала Наталья Тимофеевна. – Это всё в Европах ихних такие нечеловеческие вещи делают! Басурмане! Ты уж придумай чего-нибудь супротив этого, Иваныч! А? Придумаешь?

Николай Иванович сидел в кресле и вертел в руках увеличительное стекло.

– Иваныч! Давай выбросим этот ножик. – Не дождавшись ответа, Наталья Тимофеевна сама стала искать решение задачи. – Махнуть на Бело озеро, пропешать дырку во льду, да и опустить его туда. Никто уже никогда не найдет. Позову Прохора, пусть запрягает Зорьку.

– Нельзя его утопить, Наталья Тимофеевна. – Спокойно ответил Николай Николаевич.

– То есть, как это – нельзя? Он что ж – не железный? Чай не всплывёт!

– Нельзя его выбросить. Он вернётся. Многие пробовали уже – никому не удалось. Ты думаешь – одна такая умная? Нет. Умные вон мальцу всучили, с себя неминуемую смерть сняли, а сами теперь тихо радуются, да наверно кисели попивают. И, поди, узнай кто такие!

Посидели молча.

– Давеча в Покровском на церкви вороны всей стаей на крест уселись, так крест-то и покосился, совсем набок склонился, вот-вот упадёт. Это ж знак плохой свыше нам дан! Все теперь об этом только и говорят. – Продолжала Наталья Тимофеевна. – Вот с Мити и началось!

Митька не знал – что и делать. Он неосторожно взял у незнакомца свёрток неизвестно с чем, а теперь, оказывается, это неизвестно что может его убить во сне. А если попробовать не спать? Сколько можно не спать? Ночь? Две? Три?

– Иваныч! – Не унималась беспокойная ключница. – А если пойти попросить кузнеца перековать ножик, а? В подкову, а?

Николай Иванович посмотрел на старуху добрым взглядом, улыбнулся самыми уголками рта, и сказал:

– Пошел тогда волк к кузнецу, и тот перековал ему голос из грубого волчьего в тонкий козий. Ты Натальетимофеевна головой то подумай, у нас тут не сказки, у нас всё серьёзно. Как бы ты пришла к кузнецу, например к дяде Васе, и отдала бы ему этот ножик, зная, что как только кузнец заснёт, так ему и конец?

– Так нешто я бы ему не сказала? Сказала бы!

– Не сомневаюсь. А дядя Вася бы как обрадовался и у тебя ножик сразу хватить!

Наталья Тимофеевна шмыгнула носом, сморщилась, достала из кармана льняной лоскут, и принялась вытирать им слезу.

Николай Иванович между тем продолжал:

– Вот взял бы у тебя дядя Вася ножик, что бы ты утром его детям сказала? У него их пятеро. Кто теперь их кормить будет, а?

– Не знаю! – Заплакала Наталья Тимофеевна. – Как поступить – не знаю! Ты у нас умный, вот и думай.

– А чего тут думать-то? – Николай Иванович улыбнулся, поднялся, сделал три шага, остановился возле каменного столика, взял нож, потрогал большим пальцем лезвие. – Ну вот, теперь я стал хозяином этого самореза. Будем меняться. Кто не спит, того и нож. Договорились, Митя?

– Ага! – Митька, испугавшийся было, разом повеселел. Дядя Коля головастый, в обиду не даст.

Николай Иванович вернулся обратно в кресло, положил ножик на стол, посмотрел на Митьку.

– А скажи ка мне, Митя, что необычного или интересного случилось в твоей жизни за последние дни?

Митька задумался. Нет, ничего необычного не происходило.

– Может, встретил кого? – Подсказала Наталья Тимофеевна.

– Позавчера татары приехали, шатры на пустыре поставили. Мы с Васькой и Сонькой к ним ходили вчера.

– И что татары?

– Ничего. Баранину варили. Нам по куску дали.

– А я-то думала, чего ты за ужином так плохо пироги ел? А ты, оказывается, в гости ходил!

– По какому делу пожаловали? – Поинтересовался Николай Иванович.

– Там у них есть татарин молодой, так он свататься к кому-то приехал. Я не понял – к кому. Сонька с ними разговаривала.

– Понятно теперь зачем он монисту приносил. – Буркнул Николай Иванович.

– Уж, не за Семёна ли Васильевича доченьку Иринушку?! – Наталья Тимофеевна ахнула. – Час от часу не легче! Бабы в церкви сказывали, что свататься к ней едет царевич красоты неописуемой. Ан, поди ж ты, татарин!

Дверь отворилась. В кабинет вошел Прохор с охапкой дров.

Митьке Прохор не нравился: обычно хмурый, неразговорчивый, не душевный, не такой, как ключница, держал себя особняком. Даже за столом садился с краю, подальше от Николая Ивановича. Любую работу выполнял без огонька, как бы нехотя, но исправно.

– А ты думала, – с порога сказал Прохор, – царевичи только в ихних Европах бывают?

– Подслушивал, окаянный!

Николай Иванович негромко засмеялся.

– Наталья Тимофеевна! – сказал он.

– Да?

– Иди, на стол собери. Стемнело уже. Мите рано вставать – лучину щепать. А я ещё поработаю.

Было бы неправдой сказать, что Митьке после всего произошедшего легко засыпалось и крепко спалось.

Он долго ворочался, думал про татар, про княжну Ирину, про возок и руку, вручавшую ему свёрток с ножом, про Прохора, который подслушивал.

И уже когда глаза его стали закрываться, а сон укутывал своим мягким покрывалом, на улице вдруг что-то бабахнуло, наверно стрелецкая пищаль. Залаяли собаки. Особенно громко и басовито гавкал Полкан во дворе. По льду реки простучали копыта нескольких лошадей. Через некоторое время проскакали ещё, всадники громко кричали, ругались.

3

Накануне всех этих событий к Николаю Ивановичу приходила заказчица – женщина известная в Кемгороде, вдова купца – Матрёна Андреевна.

Колдовской угол в Кемгороде считался нехорошим местом. Слово-то какое интересное – «нехорошее»! Вроде, как и не плохое, но и не хорошее. Не то, чтобы обитатели колдовского угла пользовались дурной славой – нет, просто суеверие иногда брало верх над разумом и приличиями, и некоторые прохожие, бывало, останавливались, и потрясали кулаком, а то и плевали в сторону колдовского угла, называли здешних обитателей «злыми колдунами». А всё потому, что легче лёгкого свалить свои неприятности на колдунов, мол, они во всём виноваты. Никто близко к колдовскому углу избы не строил, на всякий случай. Поэтому с трех сторон его окружали пустыри, а с четвёртой – река Кема.

Чтобы взять, да и прийти сюда, обычному человеку требовалась некоторая смелость или же крайняя необходимость.

По соседству с домом Николая Ивановича жили Аарон Соломонович и Циля Хаимовна, содержавшие постоялый двор. Их дочь Сонька дружила с Митькой и Васькой.

Во втором ряду домов, сразу за постоялым двором, стояла избушка тётки Мани, сухонькой старушки, к которой обращались, если появлялась нужда вывести бородавку или приворожить парня. Кемгородцы считали тётку Маню хорошей колдуньей и нужды она не знала.

Дом Мирона Сергеевича и Оксаны Зотовны – Васькиных родителей – был отстроен заново года три назад, и выглядел новым. Оксана Зотовна колдовских талантов не имела, а вот Мирон Сергеевич умел общаться с усопшими. Иногда кто-нибудь заходил к нему спросить совета у предков.

Купчиха Матрёна Андреевна имела немалое состояние, восхищала мужчин своей внешностью и нарядами, и уже несколько лет жила без мужа. Разговоров вокруг неё ходило множество. Бабы судачили о том, кто в очередной раз к ней сватался, да получил отказ.

И вот эта самая Матрёна Андреевна, вся в золоте и слезах примчалась к Николаю Ивановичу на тройке, и умоляет его отремонтировать разбитое зеркальце, приговаривая при этом:

– Сам подарил, да сам и разбил!

Слёзы текут градом. Голос срывается на визг.

Наталья Тимофеевна, подметающая рассыпавшуюся золу возле печи, как бы невзначай интересуется:

– Да кто разбил-то?

Тут Матрёна Андреевна взяла себя в руки, вытерла слёзы, положила на столик рядом с разбитым зеркальцем шелковый кошелёк, туго набитый монетами, и сказала:

– Сделаете, Николай Иванович, ещё вдвое добавлю. – Встала, и, гордо подняв голову, вышла.

Митьке хотелось узнать – золото в кошельке, или серебро? Однако Николай Иванович взял кошелёк, и, не развязывая, опустил его в денежный ящик.

Митька впервые видел стеклянное зеркало, горожанки обычно смотрелись в гладкую серебряную или медную пластину, а в его родной деревне и вовсе пользовались ведром с водой. Прямоугольное зеркало купчихи размером с две ладони крепилось в дорогой и очень красивой серебряной оправе с витиеватой ручкой. Оправа сама по себе являла немалую ценность. Стекло всё покрылось трещинами, а некоторые мелкие кусочки и вовсе выпали.

Николай Иванович разложил вокруг зеркала свои белые камешки. Камешки светились.

– Действительно волшебное. Не подделка. Митя, подойди-ка!

Митька подошел, стал выглядывать из-за плеча.

– Поддай инструменты.

Уже через мгновение ящичек с письменного стола переместился на каменный столик.

– Вот сейчас и узнаем, – сказал Николай Иванович, растягивая слова, – поможем мы Матрёне Андреевне быстро, или придётся хорошо и долго подумать.

Он, сложил свои камешки в мешочек, достал из ящика тонкую острую железку (Митька помнил название – ланцет), и стал выковыривать осколки зеркала, раскладывая их на каменном столике осколок к осколку в том же порядке как в оправе.

Под зеркалом, как оказалось, в оправу был аккуратно вставлен плоский гладко отшлифованный кусок дерева с вырезанным на нём затейливым узором. Николай Иванович погладил дерево большим пальцем, посмотрел на узор через увеличительное стекло, покачал головой.

– Подержи, – протянул оправу Митьке.

Вновь достал мешочек, разложил камешки вокруг зеркала. На этот раз камешки не светились.

– Видишь? Зеркало-то самое обычное. А теперь дай-ка оправу!

Оправа легла на столик. Камешки разместились вокруг, и стали излучать приятный мягкий свет.

– Беги, Митя, в стекольный угол к мастеру Даниле Романовичу! Спроси – когда он изволит меня принять?

Данила Романович выслушал запыхавшегося Митьку, что-то прикинул, и ответил:

– Передай Николай Иванычу, чтобы послезавтра утром приходил.

Всё это происходило позавчера.

Саморез саморезом, а работу не бросишь. И с утра оба невыспавшиеся – Николай Иванович и Митька – отправились к стекольным дел мастеру Даниле Романовичу. Ночью Николай Иванович, пока бодрствовал, сделал из куска кожи простенькие ножны, и теперь страшный нож спокойно висел у Митьки на шее.

Весь изукрашенный резьбой дом Данилы Романовича располагался среди прочих богатых домов недалеко от кремля на Кемской улице – самой длинной улице в городе, идущей вдоль реки, повторяющей все речные изгибы. Не только бояре, но и сам князь покупали стекло у Данилы Романовича.

Николая Ивановича хозяин усадил на лавку, а Митьку – на скамью. Хозяйка принесла кружки с горячим клюквенным киселем и тарелку с калитками.

– Слышал ли ты, Николай Иванович, нашу последнюю новость? – Лицо Данилы Романовича было круглым, как Луна в полнолуние, глаза узкие, а губы – толстые. Он чуть наклонился, и громким шепотом, который наверняка слышали и за пределами горницы, сообщил, – Ночью то разбойнички освободили колодников из темницы да с собой увели.

– Как из темницы? – Удивился Николай Иванович. – Она ж в кремле!

– В том то и дело! – Данила Романович округлил глаза. – Никто не знает, как они мимо стрельцов туда прошмыгнули, да как обратно с колодниками вышли. Хватились, когда они в санях по Кеме понеслись. Говорят – без колдовства тут не обошлось.

– Странное дело, – согласился Николай Иванович.

– Уж как есть – странное. Тут на днях вороны на Покровской церкви крест свалили, не к добру это. Ох, не к добру! К вам-то в угол не приходили спрашивать?

– Не приходили. – Николай Иванович качнул головой. – Но, я чувствую, придут. Однако, любезный Данила Романович, моей вины в ночных делах никакой нет. Выстрел ночью слышал, топот конский тоже слышал, а больше ничего сказать не могу – не знаю.

– Чем же я могу тебе помочь, Николай Иванович?

– Зеркальце разбилось волшебное. Простят отремонтировать.

Николай Иванович достал из свёртка оправу, протянул её хозяину.

– Вот в этой оправе зеркало и стояло. Ты, Данила Романович, нашел бы замену!

– Да где ж я тебе волшебное зеркало-то возьму? – Данила Романович испуганно отпрянул. – Нет, это не моё дело. Этому мы не обучены. Это ты сам как-нибудь.

– Успокойся, дорогой друг. – Николай Иванович широко улыбнулся. – Не надо мне волшебного зеркала, найди обычное – мурановское, но чтобы в эту оправу входило. Возьми, сними мерку.

– Мурановское? – Данила Романович облегченно вздохнул. – Это мы можем. Приходи завтра.

– Сколько?

– Два рубля.

«Два рубля!» Митька, которому доводилось слышать о ценах не больше нескольких алтын, посмотрел на учителя. Два рубля – вот это цена! Митька не надеялся вообще когда-нибудь такие деньжищи увидеть, не то, что в руках подержать.

– Золотом?

– Золотом.

«Золотом!» Вот это да!

– Договорились. – Николай Иванович поднялся, поклонился Даниле Романовичу. – Вкусный кисель твоя хозяйка варит.

– О! Она ещё и не такое умеет. – Данила Романович расплылся в улыбке во всю ширину своего круглого лица. Но затем вдруг изобразил на лице испуг и взволнованно сообщил. – А ещё-то что говорят! Слышал ли? Великий князь на нас войной идёт. Грозится Кемгород сжечь дотла, чтобы – говорят – даже памяти о нём не осталось. Силу собрал большую. В Белозерске ждёт пополнений. Там уже полки и московские, и ярославские, и устюженские. Обозы большие с ними. Кто овсом торгует – сейчас барыши хорошие имеет. Скоро сюда нагрянут. Не отбиться! Кровушки много прольется. Ох, много!

– Слышал такие разговоры, – кивнул Николай Иванович.

И Митьке тоже доводилось слышать. И мужики и бабы частенько стали поминать недобрым словом возможную войну. Никто, правда, не мог назвать причину этой распри. Одни говорили, что, якобы, московские купцы не довольны здешней тамгой, другие – что великий князь хочет Кемский удел под себя забрать, третьи – что Каргополь уже несколько лет подати в Москву не отправляет, а путь к нему лежит по Кеме. Короче, разговоров ходило много.

– Уже неделя, как ни одного купца с юга не прибыло. Значит, не пускают их воеводы тамошние, – продолжал Данила Романович. И вдруг спросил. – Ты пищаль то свою давно чистил?

– Пищаль моя всегда готова к бою, Данила Романович. Князь позовёт – пойду воевать.

– Может, знаешь слово волшебное, или заговор, или колдовство такое, чтобы войны не случилось? А, Николай Иванович? Ты же у нас того...

– Чего?

– Разбираешься во всех этих делах. Покумекай! А?

– Данила Романович, нет такого волшебства, чтобы войну отворотить. Сам подумай, неужели я, если бы мог, не предпринял бы ничего!

А Митька вспомнил, как несколько дней назад Николай Иванович отвечая Наталье Тимофеевне, говорил: «И колдовство в нашем княжестве не поощряется!»

– Тогда деньги вперёд! Два-то рубля, – быстро выпалил торговец стеклом.

– Нет, Данила Романович. Ты мне – зеркало, я тебе – деньги, в тот же миг.

На том и договорились.

4

Обратно шли по льду реки, это позволяло срезать речную излучину, и путь становился короче. Митька оглядывался на кремль, на башни и ворота, на стрелецкие дозоры. Деревянные стены и башни кремля нависали над крутым берегом.

Прямо на льду городовики, которые легко узнавались по коротким – до колен – серым кафтанам, стучали топорами, жужжали пилами, звякали цепями. Тут же стояло множество новых саней, лежали кучи свежих толстых досок. Гуляй-город делают – догадался Митька.

– Самый большой кремль в Новгороде! – уверенно заявляла Сонька прошлым летом. Соньке можно было верить. Её родители – Аарон Соломонович и Циля Хаимовна – владели постоянным двором в колдовском углу, и многие торговцы, паломники и всякие прочие, зачастую – тёмные, личности останавливались у них на ночь – на две, а то и дольше, и рассказывали иногда о дальних краях. Детям Аарона Соломоновича и Циля Хаимовны и друзьям детей не возбранялось при сём присутствовать и задавать вопросы.

Митьке, однако, доводилось слышать, что и Белозерске крепость очень даже не маленькая. И что один только вал, на котором она стоит, выше кемгородской крепости и вала вместе взятых.

– Белозёрам великий князь денег много дал, – рассуждала Сонька. – А нам бы дал, так и мы такой же кремль построили. Можно подрядиться лес заготовливать, землю возить да срубы складывать.

Обратно шагало быстрее. Тонкий слой снега слегка припорошил хорошо укатанную дорогу, по которой за эту зиму прошли многочисленные санные поезда с маслом, рыбой, солью, мёдом, зерном и прочими товарами.

Когда стал виден колдовской угол, от домов отделились две чёрные точки, скатились с берега на лёд. Вскоре Митька разглядел Сонькиных младших братьев – Мишку и Яшку.

– Дядя Коля, дядя Коля! Там к вам стрельцы понаехали! Мама велела сказать! – Кричали они издалека.

– Бегите домой, – улыбнулся Николай Иванович. – Передайте маме, что дядя Коля ей благодарен.

– Передадим! – Мишка и Яшка умчались обратно.

– Видишь, Митя, какая жизнь начинается весёлая! Пойдём, со стрельцами познакомимся! – Николай Иванович продолжал двигаться таким же ровным шагом, не быстрее и не медленнее, чем до встречи с детьми.

Ворота во двор оказались приоткрыты. У ворот стояли запряженные сани. Полкан не переставая гавкал и звенел цепью. Стрельцы – человек десять – стояли возле резного крыльца, о чём то разговаривали. Прохор, не обращая на них внимания, колот дрова.

– Полкан, сядь-замолкни! – Николай Иванович остановился на нижней ступеньке, чтобы смахнуть снег с валенок. – Здорово, мужики!

Полкан перестал гавкать и ушел в конуру.

– Здравствуй! Здорово! – ответили стрельцы невесёлыми голосами.

– Заходите в дом, погрейтесь! – улыбнулся Николай Иванович.

– Не велено нам, – ответили стрельцы.

Стараясь не хлопать дверью, не топтать и не скрипеть ступенями Николай Иванович и Митька поднялись по лестнице. Из кабинета доносились голоса:

– Не пущу! Ишь, что удумал! Без хозяина тут шарить! – звенел полный возмущения голос Натальи Тимофеевны. – Я, вот, тебя! – донёсся шлепок мокрой тряпки.

Митьке стало смешно. Он посмотрел на учителя – тот тоже улыбался.

– Ты, баба, поди отсюда! Я здесь по государственному делу! – пророкотал густой мужской бас, такой же красивый как у батюшки из Покровской церкви.

– По государственному!?! Я тебе покажу – по государственному! – опять шлепок тряпки. – Я, вот, к князю пойду, узнаю – как он татя такого на службу взял!

Николай Иванович погасил улыбку, принял суровый вид, толкнул дверь, махнул рукой Митьке.

– Что тут такое происходит? – Грозным голосом спросил он.

Человек в высокой шапке и длинной чёрной шубе стоял спиной к двери. Наталья Тимофеевна – руки в боки – заслоняла от него письменный стол и медные сундуки. Человек обернулся на голос и тут же получил тряпкой между лопаток ещё раз.

– Кто таков? – строго спросил Николай Иванович.

Человек попятился, втянул голову в плечи.

– Старший подьячий Разбойной палаты Иван Григорьев.

– Николай Иванович. Чем могу быть любезен, боярин?

– Ищем разбойников... – начал подьячий.

– У меня? – Спросил Николай Иванович, не повышая голоса. Но Митька готов был поклясться, что от этих слов под потолком прокатилось эхо, в кабинете потемнело, а по спине забегали мурашки.

Подьячий осёкся.

– А я опекиш с печи сняла, слышу – дверь хлопнула, и шаги чужие, – вставила Наталья Тимофеевна.

– У меня ищите, я Вас спрашиваю, Иван Григорьевич? – повторил Николай Иванович. На этот раз голос прозвучал естественно, почти приветливо.

Боярин стусевался, снял шапку, вытер ладонью лоб.

– Нет.

– Натальятимофеевна, – Николай Иванович заговорил своим обычным тихим голосом, – соберите на стол, что бог послал. Перекусим.

– Слушаюсь, – Наталья Тимофеевна, комкая тряпку в руке, вышла. В дверях обернулась, окинула взглядом подьячего.

– Грозна, – уважительно сказал Иван Григорьевич.

– Ключница. Служит верно. Так где вы разбойников ищите?

Подьячий развел руками, и из этого жеста следовало, что где только они их не ищут.

– У меня их точно нет, – улыбнулся Николай Иванович, снял шапку и верхнюю одежду, – Митя, давай оправу.

Митька достал свёрток. Николай Иванович убрал его в один из сундуков и закрыл на ключ.

– Я пришел задать вопрос.

– Спрашивайте, Иван Григорьевич, не стесняйтесь.

– Ночью, – зарокотал старший подьячий, – злоумышленники, в количестве одного или двух человек, проникли в кремль, затем вошли в нашу Разбойную палату, открыли дверь в темницу, да выпустили воров, что там сидели.

– Присаживайтесь, Иван Григорьевич. Снимайте шубу. Митя, возьми. – Учитель указал боярину на лавку возле письменного стола. – И много в темнице сидело воров?

Под шубой у боярина оказалась красная сорочка, а поверх неё – цветастый зипун на меховой подкладке.

– Четыре вора мы заточили. Все в колодках да на цепи. – Подьячий уселся на лавку, подтянув в коленях тонкие суконные порты. – Утром смотрим – все до единого замки разомкнуты, и никого нет.

– А что же охрана? Неужели ничего не видели – не слышали?

– То-то и оно. Ворота все закрыты. У ворот стража. В Разбойной палате четверо стрельцов – двое сторожат – один у входа, второй возле темницы, а двое спят. Допросили их строго – они говорят – ничего не видели. – На лице подъячего изобразилась крайняя степень озабоченности, он погладил бороду, сокрушенно махнул рукой. – Я ему говорю: как же ты не видел? Вот дверь, а вот ты стоишь в шаге всего! Неужели не видел? Не видел – отвечает.

– Да, уж, – кивнул Николай Иванович.

– Думаем – без колдовства тут не обошлось.

– И чем же я могу помочь?

– Может, есть какой волшебный ключик, который все двери открывает? Знаете – уж подскажите. Вы только представьте себе что будет, если с таким ключом враги в пороховой погреб проберутся, или в княжеский терем! Вы, Николай Иванович, в колдовских делах, говорят, зубы съели.

– Что вы, что вы, зубы у меня почти все на месте. – Николай Иванович взял с полки книгу, ту из которой вчера читал Митьке про нож-саморез, полистал. – Это «Вадемекум» Сэнду...

– Кто? – Не понял подъячий. – Что?

– Есть в Трансильвании человек, который всю жизнь занимается тем, что собирает сведения о всяких волшебных вещах. Его имя – Сэнду. Время от времени он пишет книги, в которых дает подробные описания и краткую историю известных ему волшебных вещей. А знает он их очень много. Вот у меня одна такая книга. Называется «Вадемекум». Про ключи здесь всего ничего: «Ключик к сердцу» – это приворотный амулет, и «Ключ к удаче», это тоже амулет, кто им владеет, тому до поры – до времени везёт.

– А после?

– А после никогда не повезёт. Очень опасный амулет. К замкам волшебного ключа нет, да он и не нужен. Воры обычно отмычками пользуются. Вы бы, Иван Григорьевич, кузнецов поспрашивали. Может кому-нибудь из них кто-то отмычку недавно заказывал? Вон, гремят – сюда слышно.

– Уж я к ним сразу после вас.

– Я, Иван Григорьевич, могу предположить, что разбойник мог воспользоваться шапкой невидимкой.

– Шапкой-невидимкой? – подъячий недоверчиво усмехнулся, а затем нахмурился. – Уж, не за дурака ли меня здесь держат!

– Не за дурака. – Николай Иванович пошелестел страницами. – Вот, слушайте: «Шапки-невидимки придумал мастер из Любека Клаус-Дитрих Думцлафф. Теперь шапки-невидимки шьют его дети. Волшебные свойства шапок-невидимок заключается в том, что они делают человека невидимым до тех пор, пока шапка не снята с головы. Шапки-невидимки бывают однодневными, двухдневными и трёхдневными (самые дорогие). Воспользоваться ими можно в течение соответствующего количества дней. Шапки прошиты зелёными нитями. После использования часть нитей меняет свой цвет на красный. Когда все зелёные нити станут красными, тогда заканчиваются волшебные свойства шапки. Секрет изготовления шапок-невидимок строго охраняется. Покрой шапки может быть любым. Как правило, это нарядный головной убор, который не стыдно носить и после утраты волшебных свойств».

Николай Иванович отодвинул книгу, и посмотрел на подъячего.

– Так это не сказки!?

– Не сказки.

– Боже всемилостивейший! А если в терем...! – боярин схватился за голову. – Эх, недаром бабы говорят, что если крест на храме покосится – быть беде. Вот оно! А ковёр-самолёт существует?

– Ковёр-самолёт? – Николай Иванович чуть улыбнулся. – Нет. В данный момент – нет.

– Ну, всё же легче.

Некоторое время сидели молча. Николай Иванович ждал вопроса, а Иван Григорьевич о чем-то думал.

– Ах, вот ещё. Нам известно, что вчера вечером некто передал вашему ученику нож. Что это за нож? Волшебный ли он? Где сейчас находится?

– Митя, подойди ка! Дай ножик.

Николай Иванович вытащил нож из ножен и положил на стол.

– Как игрушка, – сказал подьячий, однако в руки не взял. – Так кто его передал?

– Сами думаем-гадаем.

– Волшебный?

– Да. Очень. – Николай Иванович вложил нож обратно в ножны и вернул Митьке.

Дверь в кабинет открылась. Наталья Тимофеевна мотнула головой в сторону горницы.

– Отобедайте с нами, Иван Григорьевич.

– Нет. Благодарю, – подьячий поднялся, надел шубу, шапку. – Пора. Прошу простить меня за вторжение в вашу рабочую комнату.

Возле дверей он задержался, окинул взором висевшую на стене пицаль.

– Хороша! – отметил как бы для себя.

– Тяжеловата, но бой отличный, – сказал Николай Иванович. – Кстати, если вор надел шапку-невидимку, то, скорее всего на притолоке остался след.

– Нет там никаких следов, – возразил подьячий. – Я сам всё осмотрел, лично.

– След не виден простым глазом. Нужны сигнальные камни.

– А у вас такие есть? – удивился Иван Григорьевич.

– Есть.

– Тогда едем со мной! – воодушевился подьячий.

– Извини, Наталья Тимофеевна, зовут по делу. Вернёмся – отообедаем. – Николай Иванович поднялся. – Идём, Митя!

5

Митьке ещё никогда не доводилось бывать в кремле, поэтому он смотрел по сторонам во все глаза. Снаружи, особенно со льда реки Кемы, кремль казался большим и грозным сооружением. Изнутри же, напротив, он выглядел маленьким и тесным. Постройки все стояли рядом – одна к другой. И ещё – в кремле было немногочисленно по сравнению с торгом и улицами.

Только вооруженные стрельцы стояли почти у каждой двери. Выглядели они хмурыми. Из терема, княжеского – догадался Митька, доносился чей-то грозный раскатистый голос, звуки которого не предвещали ничего хорошего тому, в чей адрес звучали. Слов почти не разобрать, но смысл улавливался легко.

Рядом с теремом стояли люди, судя по виду, боярского звания.

Худошавая старуха в дорогих одеждах, глядя на окна терема сказала:

– Гневается князь-батюшка! Ох, кому-то несдобровать!

Иван Григорьевич провёл их меж построек к довольно крупной избе, рубленой из толстых брёвен.

Пока шли, встретили княжну Ирину Семёновну, прогуливающуюся с молодым, нарядно одетым татаринном. Они шли не торопясь, увлечённые общением, не обращая внимания на грозные речи князя. Татарин что-то говорил вполголоса, а княжна слушала, улыбалась, и коротко отвечала. Татарин, заметив Николая Ивановича, на миг отвлекся от разговора с княжной и учтиво кивнул. Сие событие не осталось незамеченным боярином.

Через высокое крыльцо попали внутрь. В горнице за столами сидели трое мужчин и что-то усердно писали, скрипя перьями. При появлении Ивана Григорьевича все трое вскочили и почтительно поклонились.

– Работайте, – сказал им старший подьячий, и чуть повернув голову к Николаю Ивановичу и Митьке, добавил, – нам сюда.

Прошли ещё через два маленьких помещения, спустились вниз по ступенькам.

– Тьфу, темно как. Никифор! – Рявкнул Иван Григорьевич. – Никифор, носи огонь!

Прибежал Никифор – один из тех троих писарей – с горящей свечой, зажгёт лучины – стало светло.

– Вот эта дверь. Доставайте свои камни.

Дверь оказалась маленькой, с низкой притолокой – без поклона не войдешь, ни выйдешь. Кованые дверные петли и засов казались надёжными. Огромный замок незамкнутый висел на дверной ручке. Справа от двери вдоль стены стояла короткая скамья.

– Никого нет. – Иван Григорьевич толкнул дверь. Из мрачной темницы повеяло холодом. – Можете искать.

Николай Иванович развязал мешочек, вытряхнул на ладонь два камня, сунул мешочек обратно в карман.

– Следы долго не живут. Смотрите внимательно – от шапки-невидимки на притолоке могла остаться светлая полоса.

Подьячий, Митька и Никифор упёрлись глазами в притолоку. Николай Иванович поднёс к притолоке камни, один с этой стороны дверного проёма, другой камень – в темнице, и медленно провёл ими справа налево.

– Ничего не видно, – констатировал он. – Митя, видел, как я делал?

– Ага.

Николай Иванович отдал камни Митьке.

– Делай так же по моему знаку, не торопись, медленно. – Сам достал ещё два камня и прижал их снизу к притолоке по краям – слева и справа. – Давай, Митя, двигай!

Митька впервые держал такие камни в руках: гладкие на ощупь, неправильной формы, цвета овсяного киселя, они выглядели почти прозрачными.

Митька поднял руки к притолоке, медленно повёл вдоль неё камни, и в какой-то момент глазам своим не поверил: на обычной деревянной доске мелькнула огненная змейка, как огонёк от свечи в полной темноте, если свечой водить из стороны в сторону.

– Ай, молодцы! – рявкнул Иван Григорьевич прямо на ухо.

От испуга камень выскочил у Митьки из правой руки, но на пол не упал, по крайней мере Митька не слышал как камень ударился об половицы.

– Вот молодцы! – Продолжал радоваться подьячий. – Ну, Николай Иванович, ну, удружил! Вот помог так помог! Значит, вор пришёл сюда в шапке-невидимке, правильно я понимаю? И он ею под притолокой след оставил? Так я говорю?

– Так, Иван Григорьевич.

– Вот, значит, как они нас провели!

Митька стал оглядываться, пытаясь разглядеть на полу камень. Камень ведь белый, его должно быть видно.

– Никифор! Дуй за бумагой и чернилами, протокол писать будем!

Никифор исчез за дверью.

– Это ещё не все. Проверим замок. – Николай Иванович снял с дверной ручки замок, положил его на скамью, поднёс к нему камни. Следы волшебства не светились. – Похоже – замок открывали без всякого волшебства, ключом или отмычкой. И тогда выходит, что сторож или спал, или стал сообщником.

– Э-э-э-х, жаль! Парень то хороший! – с обидой в голосе сказал подьячий. – Придется голову рубить.

Примчался Никифор, разложил бумагу и чернила на скамейке, обмакнул перо, вопросительно поднял взгляд на подьячего.

– Пиши! Мною – старшим подьячим Разбойной палаты Иваном Григорьевым, запятая, с участием...

Подьячий диктовал, иногда повторяя сказанное, Никифор, закусив губу, писал, перо скрипело, а Митька всё раздумывал над тем, куда мог деться камень – на полу он точно не лежал. Николай Иванович молча стоял, прислонившись спиной к стене. Его голова подпирала потолок.

Куда? Не мог же он просто исчезнуть! Что сказать Николаю Ивановичу? У него же теперь будет недостача камней! Николай Иванович наверно очень расстроится или даже рассердится.

– Приложением оных камней на притолоке обнаружена огненная извилистая линия, идущая от стрелецкого поста в темницу, запятая, что, запятая, по словам Николая Иванова означает...

И тут Митьке пришла в голову мысль: а что если разбойник в шапке невидимке всё ещё здесь? Его же никто не видит! А он всё видит и слышит! И камень он схватил, а может даже выхватил, и держит у себя! Потому-то камень и не упал на пол.

Тут Николай Иванович подманил к себе Митьку пальцем, и, склонившись к уху, шепнул:

– Камень у тебя в рукаве.

Митька так обрадовался, так обрадовался! Улыбнулся, опустил руку, потряс предплечьем. Камень скользнул между сорочкой и овчиной, выпрыгнул из рукава, стукнулся об пол и покатился к двери, к той двери, что вела наружу, и остановился у порога.

– Приложением же камней к замку установлено, запятая, что... что же установлено-то? ... ах, да, установлено, запятая, что волшебство к замку не применялось, запятая, и таковой отомкнут либо ключом, запятая, либо отмычкой.

Митька бросился поднимать камень, наклонился, протянул руку чтобы взять камень, да чуть не ослеп – так от пола сверкнуло. Митька зажмурился, яркий круг, сверкнувший на полу

и ослепивший на время Митьку, продолжал плавать перед его взором, меняя цвет – жёлтый, белый, розовый, голубой.

– Что это было? – удивился подьячий.

– Не торопись, Иван Григорьевич, сторожа своего казнить, – сказал Николай Иванович. – Не виноват он. Ему глаза отвели – он ничего не видел. Митя на полу нашел след от волшебного фонаря. Такие фонари – вещь исключительно редкая. Делают их в Новгороде, и всё, что сделают, продают немцам.

– Молодец, Митрий! – похвалил подьячий. – Будет и тебе награда.

– Спасибо. – Митька отдал камни Николаю Ивановичу от греха подальше.

– Никифор, пиши, – повеселевшим голосом Иван Григорьевич продолжил диктовать протокол. – Так, на чём я остановился? На замке. Ага. Пиши: А на полу найден след волшебной лампы, круглый, размером в одну пядь. Посредством сей лампы злоумышленники отвели глаза сторожу и сокрыли открывание дверей, замков и свой выход из темницы. Запятые сам расставь, а то уже не маленький!

Дальше всей компанией они искали и находили следы волшебных вещей в избе Разбойной палаты, в кремле возле ворот. Нашли и записали о находках в протокол. Уже темнело, когда Николай Иванович и Митька на санях были доставлены домой. В руках Митька бережно держал свой первый заработок – несколько печатных пряников. Поделюсь с Сонькой и Васькой – решил он.

6

После трудового дня и сытного ужина Николай Иванович забрал у Митьки нож, а его самого отправил на печь спать. Сам остался тут же – в горнице, обсуждая с Прохором и Натальей Тимофеевной всякие хозяйственные дела. Под эти разговоры Митька и уснул.

Он сидел верхом на коне. Подводы с ранеными и покойными проезжали мимо него. На утоптанном снегу темнели капли крови. Высоко в небе чуть белел редкий, как старая сорочка, слой облаков, через который весело светило солнце. Но никто не радовался красивому дню. Не мелькало на лицах ни улыбок, ни радости. Даже вороны, сновавшие между людьми, выглядели понурыми.

– Стой! – Он взмахнул рукой. Рука почему-то была не Митькина, а взрослая, мужская. Он разглядел вишнёвый рукав да красиво расшитую рукавицу.

Подвода остановилась. На ней лежал молодой татарин с бледным как снег лицом, укрытый до подбородка тулупом, щурился на солнце. На лбу выступили капли пота, к которым прилипла прядь чёрных волос. Рядом с ним сидел княжеский лекарь, грек, по имени Флегонт.

– Тяжела рана, Семён Васильевич! – сказал Флегонт обращаясь к Митьке, и, покачав головой, добавил, – Долго лечить придётся.

– Лечи, Флегонт, сколько надо. Расстарайся. Сам знаешь...

– Знаю, Семён Васильевич. Сделаю всё что возможно.

– Сделай больше, чем возможно!

– Сделаю, Семён Васильевич!

– Держись, Бекбулат! Ты дрался как тигр!

Татарин улыбнулся одними лишь глазами и прошептал:

– *Ultra posse nemo obligatur.*

– Флегонт, что он сказал?

– Он сказал, что обязательно выздоровеет, Семён Васильевич.

– Хорошо. Выздоровливай, Бекбулат!

Сани влились в поток других саней.

Подскакал боярин – Митька видел его раньше – один из княжеских воевод. Снял шапку, вытер лоб.

– Белозёры засеку прорубают. К ночи на Морьевку, а то и на Шолу выйдут!

– Есть кого послать выбить их оттуда?

– Только демидовскую сотню да пицальников человек полтора.

– Маловато. Вот что сделаем: посылай одних пицальников, дай им пороху побольше да пуль, пусть перестрелку с белозёрами устроят, нельзя дать им выйти нам в спину. Скажи в крепостице, что с тюфяков хорошо стреляли, вон сколько намолотили! Я доволен. Давай!

Боярин умчался.

Митька даже удивился, как во сне он лихо командует. Вот только почему его самого величают Семёном Васильевичем?

– Тебе бы, Иваныч, жениться надо. – Этот голос принадлежал Наталье Тимофеевне.

Митька приоткрыл глаз. Николай Иванович сидел за столом, перед ним стояла миска с молоком, он крошил в неё хлеб. Наталья Тимофеевна наливала ему в кружку кисель. Николай Иванович ничего не ответил, лишь улыбнулся.

– А что? Мужчина ты видный – не мужичок какой-то. И двор у тебя, и хозяйство исправное.

– И голова на плечах, – поддакнул Николай Иванович.

– Да. Тебе только свистнуть – все твои будут. Вон, давеча какая красавица приходила – Матрёна Андреевна. К ней уж кто только не сватался – всем от ворот поворот. А тебе не откажет. Я-то знаешь что подглядела? А вот что: как она от тебя вышла, так слезу вытерла, да и разулыбалась.

– Да она за всю жизнь свою ни одной книги ещё не прочитала.

– Молода ещё. Постарше станет – все книги и прочитает.

На печи было тепло. Митька сунул под голову берёзовое полено, и вновь погрузился в сон.

Из тумана вышли семеро – пять мужчин в высоких синих шапках, баба в платке и мальчик. Все одеты нарядно, как бояре. А, может быть, как князья. Тот, который с бабой, несёт книгу, и вроде как протягивает её Митьке, и говорит:

– Ищи во всем самого простого – и в еде и в одежде, и не стыдись нищеты, ведь большая часть сего мира живет в нищете.

И тут Митька замечает, что за спинами у этих людей, летает какое-то существо. Маленькое. Сначала показалось – воробей. Нет – не воробей. Не птица вовсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.